

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94

УДК 001+378

ВРЕМЯ КАРНАВАЛА: РОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА И НАУКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА¹

Ореховский Петр Александрович,

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
Россия, 117218, Москва, Нахимовский пр., 32
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru*

Разумов Владимир Ильич,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, Омск, пр. Мира, 55
SPIN-код (РИНЦ): 6418-9748
AuthorID (РИНЦ): 8985
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RazumovVI@omsu.ru*

Аннотация

С конца XX в. и по настоящее время общество претерпевает глубокие системные изменения, что сопровождается кризисными явлениями. Но кризис по-разному затрагивает общество в целом и науку и образование как его компоненты. Какие надежды общества целесообразно связывать с наукой и образованием, а какие нет? Сообщества интеллектуалов – университеты – проходят в своем становлении следующие этапы: классический, модерн, постмодерн. Постмодерн привносит в университеты и научные организации установки на полицентризм, фрагментацию, деконструкцию, стилизацию, коллаж, моделирование и симулякры, сериацию. Если классическое и модернистское представление об интеллектуалах и университете предполагало, что их деятельность нацелена на производство нового знания и нового человека, то постмодернистская трансформация существенно поменяла академические сообщества и их среду. Для того чтобы глубже понять суть происшедшего, авторы обращаются к феномену карнавала в трактовке М.М. Бахтина. Важнейший признак карнавала – всё не то, чем кажется. От софистов Античности интеллектуальная

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07366.

деятельность становится оплачиваемой услугой. Уместно ли утверждение, что в современном университете преподавание становится формой духовной проституции? Да, уместно при условии, что карнавальность происходящего в российском вузе XXI в. определяется сменой ролей, приоритетов деятельности преподавателей, студентов, вспомогательного персонала. Выраженность и специфичность карнавала в конкретном вузе зависят от особенностей решения о предназначении университета: выдача (продажа) диплома государственного образца, производство знаний и/или подготовка квалифицированных специалистов. Серьезным внешним фактором, снижающим авторитет преподавателей и ученых, выступает тенденция к относительно автономному от науки развитию технологий и техники, что ярко выражается в феномене «революции интерфейсов». Меняется и социум, превращаясь в «общество спектакля», где в развитии науки, театра и профессионального спорта появляется всё больше сходных характеристик. Кризис в науке и образовании был всегда, особенностью постмодерна является экзистенциальная проблема интеллектуалов, приводящая многих из них к исходу из стен университетов и научных институтов.

Ключевые слова: постмодерн, карнавал, М.М. Бахтин, наука, образование, интеллектуальная деятельность, экзистенциальный кризис.

Библиографическое описание для цитирования:

Ореховский П.А., Разумов В.И. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.

1. Постановка проблемы: есть ли кризис? Трудно возражать против тезиса о вступлении общества с конца XX в. в глубокие системные изменения. Есть еще одно, кажущееся очевидным, утверждение о наличии констелляции науки и образования с общественным прогрессом, хотя в отношении данной констелляции у ряда философов есть определенные сомнения. Так, существование науки и образования как отдельных сфер общественной жизни, выделение особой социальной группы интеллектуалов связано с дискурсом о том, что эти объекты всегда находятся в состоянии кризиса. Сократ был недоволен софистами, политики Афин были недовольны тем, как и чему Сократ учит молодежь. Автор «социологии философий» Р. Коллинз заявил о кризисе науки 30 лет назад [3]. Большой скепсис относительно состояния современных западных университетов высказывает Б. Ридингс [11]. Тему кризиса науки и образования в России развивают В.И. Разумов [9, 10]. С критическим обсуждением состояния современной науки в русле «Methodenstreit» (нем. – спор о методах) выступает Н.С. Розов [12, 13].

Но в чем заключается кризис? Как за рубежом, так и в России из года в год растет количество людей с высшим образованием, увеличивается и занятость в сфере НИОКР, включая соответствующие подразделения

транснациональных корпораций. Со всех трибун, включая ООН, ежегодно рассчитывающую страновой индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), звучат духоподъемные речи о величии вклада образования и науки в экономический рост. МВФ еще в 1990-е гг. рекомендовал странам с низким и средним доходом приоритетное инвестирование в развитие национальных систем образования и здравоохранения.

Вероятно, ответ имеет смысл искать в смене типов учреждений науки и образования, а также в изменении их отношения к интеллектуальной деятельности. «Арьо Кламер выделяет три больших стиля, в рамках которых создаются произведения культуры и науки: классический, модерн и постмодерн. Реакцией на постмодерн является также неоклассицизм, который при желании можно выделить в четвертый стиль...» [7]. В современном университете в той или иной форме представлены все эти стили, но явно преобладает постмодернизм, который можно охарактеризовать так: «это модернизм без своего метанарратива, модернизм и поздний модернизм без их строгости и абстракции. Его ключевыми понятиями являются плюрализм, фрагментация, деконструкция, стилизация, коллаж, моделирование и симулякр» [Гам же, с. 75]. Думается, именно преобладание постмодерна в коллективном бессознательном работников образования и науки заставляет их пессимистично оценивать состояние своих сфер.

Плюрализм реальности, который формируется различными дискурсами, приводит к тому, что мрачные интуиции философов о кризисе науки и образования не воспринимаются всерьез политиками и экономистами. Они предпочитают говорить о постиндустриальном обществе, где центральную роль играют знания и образование, принимающие форму «человеческого капитала». Жалобы профессоров на то, что им меньше приходится заниматься наукой и преподаванием и гораздо больше времени тратить на оформление планов и отчетов, выражаемых в различных ФГОСах и РПД², натываются на реальность Министерства образования, в которой рейтинги университетов должны постоянно расти. Представители российского истеблишмента, официально демонстрирующие свое негативное отношение к «юристам и экономистам», отправляют своих детей учиться именно на эти факультеты и не обращают внимание на то, что выпускники дефицитных технических или медицинских специальностей массово переqualифицируются в менеджеров, продолжая оставлять открытыми вакансии на производстве и в клиниках (заметим, что это справедливо и в отношении выпускников педагогических институтов и вакансий в школах).

² ФГОС – федеральный государственный образовательный стандарт, РПД – рабочая программа дисциплины.

По-видимому, попытки создания Единого, т. е. тотализирующей реальности в стиле Гегеля или Маркса, в наше время заведомо обречены на неудачу. Поэтому диагностика «кризиса образования» приводится нами ниже в стиле феномена карнавала по М.М. Бахтину, включая перемену социальных ролей, «телесный низ» и прочие характерные черты этого дискурса [1]. Сословное феодальное общество Западной Европы также имело несколько «реальностей» (правда, в отличие от постмодерна, эти реальности были жестко структурированы), которые во время карнавала становились текучими, во многом – пародиями самих себя: «враждебное всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незыблемость и вечность, требовало динамических и изменчивых, играющих и зыбких форм для своего выражения. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него очень характерна своеобразная логика «обратности», «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и трагедий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» [Там же, с. 16]. Важнейший признак времени карнавала: *всё не то, чем кажется.*

2. Преподавание как форма духовной проституции. Наука в ее современном виде начинает формироваться в XVI–XVII вв., и в ее становлении огромную роль играют люди, далекие от университетов: Ф. Бэкон, Н. Коперник, Р. Декарт, П. Ферма, Б. Паскаль, Г.В. Лейбниц, Х. Гюйгенс, Б. Спиноза, Д. Локк и многие другие. Университетский профессор И. Ньютон не правило, а исключение! Долгое время эффективная интеллектуальная деятельность осуществлялась вне университетов. Для выкачивания воды из копей Севери и Ньюкомен в 1705 г. создают вакуумные паровые машины, но термодинамика как наука появляется более века спустя, когда С. Карно в 1824 г. в сочинении «О движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу» устанавливает максимальный коэффициент полезного действия тепловых машин. Информационная революция и интерес к феномену информации возникает в процессе решения прикладных инженерных задач. Рождение теории информации связывают с публикацией К. Шенноном в 1948 г. статьи под названием «Математическая теория связи» в журнале американской телефонной компании «Bell System». Билл Гейтс, создатель корпорации «Майкрософт», так и не получил даже степени бакалавра.

Ставший доминантой во время советской догоняющей индустриализации нарратив «не можешь – научим, не хочешь – заставим» игнорирует очевидный для многих педагогов принцип: *научить никого ничему нельзя, можно только научиться.* В этом отношении университет всегда был только местом хранения и трансляции знаний. Но, как показал М. Фуко, новая

реальность требовала другой дисциплинарной рамки как для тела, так и для духа [15]. В Новое время профессора приобрели социальный имидж служителей истины и прогресса, а университеты и политехнические школы стали «фабриками новых людей», которые производили «человеческий капитал».

В конце XX в. ситуация радикально меняется: в условиях избытка человеческого капитала (высшее образование в странах с высоким уровнем душевого ВВП получают теперь 60...75 % от соответствующей возрастной когорты) университеты вступают в жесткую конкуренцию друг с другом, а профессора теряют свое привилегированное положение. Возникает рынок образовательных услуг, а преподаватели оказывают такие услуги, добиваясь максимальной удовлетворенности их потребителей – студентов. Наиболее продвинутые потребители в России заявляют это профессорам открыто, публично, при поддержке СМИ: «Мы же вас наняли, вы – наши работники сейчас» [5]. Сходство с проституцией становится еще сильнее, если учесть то, что «коммерческие» и «бюджетные» студенты обучаются вместе. Иллюзия того, что профессор служит государству и/или обществу, сталкивается с требованием администрации вуза не отчислять неуспевающих студентов; попросту – не ставить отрицательных оценок.

Регулярные ежемесячные закрытые опросы «Преподаватель глазами студента», по идее, уже давно должны были исчерпывающим образом объяснить профессорско-преподавательскому составу (ППС), кто в вузе хозяин. Но карнавал продолжается: «...все считались равными. Здесь – на карнавальном пространстве – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения» [1, с. 15]. Атмосфера праздника, КВНа, шоу с участием ППС – главное, студенты должны быть довольны. В ответ – ожидаемая демонстрация лояльности с оттенком легкого презрительного отношения к преподавателям как к МОП (малоквалифицированному обслуживающему персоналу). Если бы преподаватель *что-то умел*, разве бы он работал *здесь*? Он был бы в «начальстве» (к последней категории относится всё чиновничество) или в «бизнесе».

За стенами вуза (карнавального пространства) – другая реальность. И в фирме, и на государственной службе нужно соблюдать дресс-код, приходиться вовремя. Там – другое дисциплинарное положение «социальных тел» по Фуко: если сейчас *на лекциях студенты пьют кофе и едят*, то в офисе такое возможно только во время перерывов и в специально отведенных местах. Также – за исключением корпоративов – для «офисного планктона» невозможны ни КВН, ни политическая деятельность, включая прогулки по Чистым прудам в Москве и/или стычки с полицией. Если, конечно, *началь-*

ство не прикажет. Но анализ российской карнавальной политики выходит далеко за рамки нашей темы.

Ситуация карнавала, отвечая избытку гормонов в молодых телах, одновременно является постоянным стрессом для ППС российских вузов. Проституция – маргинализованная социальная роль, учительство, просвещение – напротив, одна из самых уважаемых. Совмещение этих ролей приводит к переживанию современной российской профессурой глубокого экзистенциального кризиса.

3. Унтеры Пришибеевы и «медведи на воеводстве». Карнавалам свойственны перемены ролей. Обесценение прежней университетской позиции социального фильтра и производителя элиты приводит к резкому повышению значения критерия «формального соответствия» установленным требованиям. То, что *знает и умеет* выпускник вуза, является лишь одним из многочисленного списка требований, на основе которых выстраивается рейтинг вуза. За нарушение любого из этих требований у вуза может быть приостановлена аккредитация при Министерстве образования, что может привести к отказу в выдаче «дипломов государственного образца».

В существовании симулякра «диплом государственного образца» карнавал в образовании достигает одного из центральных, важнейших эмоциональных переживаний, что уже граничит с бюрократическим кошмаром Кафки. Негосударственный диплом может быть принят отделом кадров (управлением персонала) частной корпорации, а может и не приниматься, это вопрос внутреннего регламента работы данной службы. При этом государственный сектор такие дипломы однозначно не принимает. Компетентность работника при этом уже никого не волнует.

Подготовка документов к лицензированию, аттестации и аккредитации в таких условиях становится многократно важнее, чем сам учебный процесс. Отвечают за эту подготовку методисты, инспектора, сотрудники учебно-методического управления, которые должны, в свою очередь, получить необходимые им первичные документы (РПА, пособия, практикумы и т. д.) от ППС. В системе высшего образования с внедрением ФГОС и компетентного подхода реальность учебного процесса распалась на две части: 1) это формы, предъявляемые вузом экспертам (ОПОП, кадровые справки, РПА, РПП и пр.), по которым оценивается деятельность преподавателя, подразделения, вуза в целом; 2) реальный учебный процесс, качество которого существенно страдает от необходимости постоянных «модификаций» документов по части «1» [2]. Уместно указать на стратификацию дискурса за период выстраивания с 2010 г. пирамиды российских вузов. Ведущие темы обсуждения: аккредитация, проверка Рособназором, переход на очередной ФГОС, переработка ОПОП, РПА, РПП и прочее.

Методистам нет дела до того, хорошо или плохо профессора ведут занятия. У них есть график подготовки к очередной контрольной процедуре, и они собирают документы. ППС, по старинке предполагающий, что он в вузе является главным действующим лицом, возмущается этим «административным террором». Однако «унтер-офицеры», к которым раньше относились методисты на кафедрах и сотрудники учебного отдела, подключая ректорат и деканов, добиваются своего, включая применение разнообразных штрафных санкций. Если прибегнуть к аналогии времен индустриального производства, то методисты – это мастера и начальники участков, в то время как профессора – основные производственные рабочие. Но ППС-то привык рассматривать методистов и учебный отдел как *вспомогательный*, обслуживающий персонал.

Радикально изменились и отношения ППС и ректората. Раньше ректоры отвечали в основном за материально-техническое обеспечение вуза, и большинство из них были озабочены проблемой строительства новых корпусов и общежитий, жилья для профессоров и добычей оборудования для лабораторий и аудиторий. В нынешних условиях ректор скорее напоминает собственника и директора коммерческой фирмы в одном лице. Избыток преподавателей позволяет не заботиться о приглашении в вуз капризных «научных звезд», на обычные курсы претендует много желающих их прочесть даже по сравнительно низкой почасовой ставке. Главную боль может доставлять ученый совет – архаичный демократический орган, оставшийся от времен университетского самоуправления, который имеет право оспаривать решения ректората. Для этого, однако, всегда можно провести реорганизацию, убрав из совета «врагов» и приблизив «друзей».

Например, в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, где работает один из авторов статьи, одновременно было сокращено 18 подразделений (17 кафедр и факультет международного бизнеса). Раньше такие слияния кафедр или тем более ликвидация факультетов были связаны с развалом учебной работы, случаями коррупции, крупными межличностными конфликтами. Ничего подобного в ОмГУ не наблюдалось. Просто после реорганизации радикально меняется состав ученого совета, куда заведующие кафедрами раньше входили просто «по статусу». Поскольку на последних выборах ректор не получил вотума доверия от преподавателей и ученых университета, данная реорганизация подготовила почву для его последующего успешного избрания. Ректор, как щедринский Топтыгин, начал свою деятельность с «кровопролития».

Как раз перед этим президент РФ В.В. Путин заявлял о необходимости поддержки региональных вузов. Но в чем может заключаться такая поддержка? Карнавал диктует свои правила: «шут играет короля». Ректорами российских вузов зачастую становятся люди, не имеющие «имени» в нау-

ке, не обладающие опытом успешного руководства крупными организациями. Такие персонажи, не обладающие каким-либо политическим весом, безусловно лояльны за свое назначение как к региональным властям (без их одобрения такие назначения не происходят), так и к Министерству образования. В условиях перепроизводства «людей с дипломами» это оптимальная стратегия Министерства образования, ведущая к перманентному финансовому и управленческому кризису провинциальных университетов. Постепенно вузы объединяются и укрупняются, сокращая количество ППС – постоянно недовольных властью интеллектуалов на государственных окладах. Под карнавальными масками неуклюжих унтеров Припибе-евых и Медведев на воеводстве, служащими вечными объектами профессорского сарказма и издевательских шуток, скрывается долгосрочная политическая стратегия постепенного сокращения провинциальной фронды и «сброса», утилизации излишков «человеческого капитала». Российские власти считают, что регионам нужны дополнительные «рабочие руки», а не «мозги»; мозги нужны столицам...

3. Наука, профессиональный спорт и «общество спектакля». Оценивая развитие Китая, где изобретения, которые принято считать основой европейского экономического роста (бумага, порох, компас), появились значительно раньше, Дж. Мокир указывает на то, что в императорском Китае поддержка инноваций осуществлялась бюрократией. В результате развитие технологий стало зависеть от государственной политики, в то время как в «плавильном котле государств Западной Европы» существовал рынок инноваций [6]. Рынок инноваций трудно представить без патентного и авторского права. Появление и развитие последнего трудно переоценить: благодаря правам на художественные и технические изобретения западные интеллектуалы становятся богатыми и независимыми людьми.

Однако распределение доходов от писательства, как показывает Н. Та-леб в своем бестселлере [14], не соответствует нормальному распределению Гаусса – Лапласа, здесь действует принцип «победитель получает всё». То же самое можно сказать и о доходах от патентов, заработках художников, актеров, профессиональных спортсменов.

Фундаментальная наука долгое время резко отличалась в этом отношении как от прикладных исследований, так и от спорта и культуры. Поддержка фундаментальных исследований осуществлялась меценатами и/или государством, кроме того, ученые тратили и свои собственные средства. Поиск истины, который не зависел от коммерческой выгоды, сформировал этос ученого. В XIX в., когда культ науки начинает замещать религию, в модерновых обществах формируется сциентистская вера в прогресс и возможность решения всех проблем человечества с помощью науки. Фундаментальные исследования приобретают налет сакральности,

а сами ученые выполняют роли «святых» и «мучеников». Появляются легенды и анекдоты, их биографии выходят в различных аналогах серии «Жизнь замечательных людей». Однако к концу XX в. всё меняется.

Оптимистичный (и гуманистический) дискурс постиндустриального общества основан на доминировании сектора услуг в общественном производстве. Термин «производство» плавно подводит читателя к выводу о том, что центральное место в секторе услуг, а стало быть, и в самом постиндустриальном обществе будет занимать сфера НИОКР и, естественно, ученые. Заодно формируется и констелляция науки с образованием и медициной.

Но такой вывод вовсе не следует из трендов экономического развития XX в. Рост производительности в отраслях материального производства сопровождался увеличением свободного времени, однако население отнюдь не торопилось тратить его на научные занятия. Наиболее быстро растущей сферой экономики XX в. стала индустрия отдыха, включающая в себя туризм, спорт, культуру. Именно эта сфера наряду с финансовыми услугами продолжает быть «локомотивом роста» современного индустриального общества; вслед за ними «подтягиваются» и услуги по охране (безопасности), но они также обычно выпадают из поля зрения отечественных и зарубежных гуманистов. Напротив, удельный вес занятости в НИОКР и образовании в последние 30–40 лет меняется мало.

Переход к «обществу спектакля», описанный Ги Дебором еще в конце 1960-х гг., демонстрирует другую реальность, резко отличающуюся от «постиндустриального общества». Здесь спортсмены, актеры, музыканты и ученые играют одну и ту же социальную роль – они призваны *развлекать* («главное, чтобы наш пришел первым!»). Отсюда, с одной стороны, требования к публикационной активности ученых, с другой – стремление последних к выступлениям в масс-медиа. Теперь ученому нужно быть *популярным*.

Естественно, что бахтинский карнавал полностью захватил науку: теперь не важно, *что* ты пишешь, важно, *сколько* ты пишешь и *где* публикуешься. При этом публикации отечественных гуманитариев на иностранных языках в зарубежных журналах заранее выходят за рамки концепта *пользы для общества*. За редким исключением они не вызывают научных дискуссий (и не предназначены для этого). Более того, едва ли не большинство научных публикаций (причем, по-видимому, *во всех отраслях наук*) пишутся и публикуются *не для того, чтобы их читали и обсуждали*.

«Распределение призов» (грантов, государственной поддержки открытых тем, заказов) в научной деятельности давно уже стало похожим на профессиональный спорт. И если в спорте едва ли не большую роль, чем правила соревнований, сейчас играют антидопинговое агентство и спортив-

ный суд, то в российской науке – сетевое сообщество «Диссернет», процедура рассмотрения заявлений о лишении ученой степени, экспертиза публикаций (вплоть до запрета на самоцитирование).

Неафишируемой, но и нескрываемой целью российских властей, которые отвечают на запросы отечественного истеблишмента, является создание всё более жестких режимов и, по сути, невыносимых условий для ученых и преподавателей. Те, кто не выдерживает эту гонку наперегонки с «мировой наукой» и университетами из «топ 100», должны уйти в полном соответствии с аналогичными правилами профессионального спорта. Естественно (и опять-таки это видно на примере российских спортсменов), многие предпочитают переехать на Запад, где существуют технологии капитализации интеллектуальной собственности. В России же в отношении и вузовских, и академических ученых действует правило «поправки 22» по Дж. Хеллеру:

- вы – плохие ученые, поскольку не взаимодействуете с бизнесом и не получаете от него заказов;
- бизнес не делает вам заказы на фундаментальные исследования и НИОКР, поскольку вы – плохие ученые.

В результате обычный «нормальный ученый» (по Т. Куну), озабоченный поиском ответов на загадки природы и общества в рамках имеющейся парадигмы, на этом карнавале выглядит шутком. Напротив, изобретатели новых парадигм, как правило, не требующих ни сколько-нибудь глубоких знаний о научных предшественниках, ни трудоемких лабораторных и/или полевых исследований, производят неограниченное количество новых открытий в единицу времени. Именно они на этом карнавале отвечают всем формальным требованиям респектабельного и «эффективного» ученого. Такая ситуация опять-таки способствует ощущению экзистенциального кризиса многими научными работниками: если *эти* – ученые, то *я-то* что здесь делаю?

4. Экспертиза как клоунада. Важнейшей задачей Российской академии наук была экспертиза государственных проектов (в советское время они составляли основу пятилетних планов). В этом отношении ученые были не *при* власти, во времена господства сциентизма они *сами были властью*. Экспертиза проводилась даже тогда, когда их об этом не просили ни в Правительстве, ни в ЦК КПСС, например, в случае проектов «поворота стока части сибирских и северных рек в Среднюю Азию», новых учебников математики для средней школы или реконструкции исторических зданий в Санкт-Петербурге.

В конце XX в. ситуация меняется сразу в нескольких важных аспектах экспертной процедуры.

Во-первых, многие депутаты Государственной думы, мэры и губернаторы, директора и предприниматели получают ученые степени и статусы об-

ладателей научного, «истинного» знания. Теперь они сами эксперты, профессора и академики «пошибче многих».

Во-вторых, инвестиционные проекты приобретают статус «коммерческой тайны», и если ученые привлекаются к экспертизе, это происходит на коммерческой основе³. Учитывая множество субъектов, желающих участвовать в экспертной оценке, о какой-либо «независимой экспертизе» можно говорить только с большой степенью условности.

В-третьих, в задачи эксперта стали входить не только выработка рекомендаций о том, *что* делать, но и объяснение широкой общественности, *почему* это нужно делать. Как показывает в своей работе О. Кошовец, для объяснения и пропаганды принимаемых политических решений гораздо более подходят эксперты, имеющие высокий социальный статус: популярные актеры и певцы, спортсмены, общественные деятели. Экспертом может выступить и ученый, однако редкий современный эксперт, выступающий в публичном пространстве, *действительно готов заниматься научными исследованиями* [4].

В результате процедура экспертизы, как и общественных слушаний, особенно в присутствии ТВ, превратилась в состязание в остроумии, оскорблениях, выдумке. Главным для участников дискуссии является риторическая победа над оппонентами. В соответствии с законами карнавала решающими аргументами здесь являются смех и одобрение публики. К совместному поиску истины и выработке приемлемого решения это не имеет никакого отношения. Поэтому для многих российских ученых и профессоров характерным является отказ от участия в «общественной экспертизе» и какой-либо аналогичной деятельности. Роль Петрушки-дурака во время карнавала хочется исполнять не каждому, хотя, с другой стороны, нет и дефицита желающих. Как заметил отечественный политтехнолог Г.О Павловский, «Власть чувствует себя о-о-очень мудрой, бесконечно учнее всех, кто ей что-то советует. Старый-престарый Ясин, бывший министром, еще когда о Суркове не знали в Кремле, – для нас чудак-несмысленыш. У такой власти в принципе нет партнера, нет достойного собеседника (странным исключением был Гайдар – теневой гуру любой команды в Кремле). Власть иногда навещает Общественную палату как приют для даунов – бедняжки, какое горе! С вами здесь хорошо обращаются? Но не советоваться же нам с идиотом!» [8].

³ В свое время одного из авторов работы поразила омская строительная инновация: для удешевления строительства и содержания новых малоэтажных (до пяти этажей) зданий был введен новый региональный стандарт, не требующий отопления подъездов (отопительные приборы устанавливались только по требованию заказчика, который должен был получить соответствующее согласие на удорожание строительства от всех дольщиков). Естественно, что в сибирских условиях это стало приводить к появлению (и разрастанию) грибка на стенах подъездов. Но борьба с грибком возлагалась уже на плечи отдельных жильцов. Этот новый строительный норматив действует в Омской области и в настоящее время.

Заключение. Конец карнавала? Фактор особенностей коллективных структур когнитивности. Ситуация экзистенциального кризиса, в которой оказалась существенная часть научных работников и преподавателей, требует своего разрешения. Пожалуй, основным, отчетливо сформулированным требованием российского коллективного ППС является пожелание увеличения финансирования науки и образования и прекращения реформ (наиболее радикальный вариант – возврат к советской системе образования). Но именно последнее оказывается невозможным, причем не в силу злонамеренности российского государства, но в результате изменений общества. В нынешней экономике «заказчиком» услуг системы образования являются родители студентов, реализующие свои предпочтения, а не государство или бизнес (удельный вес студентов, обучающихся по заказам корпораций, не превышает ныне и 1 %).

Как мы уже указывали во введении, ситуация общественного недовольства системой образования является вечной, эта тема обсуждалась еще во времена Сократа. Причина нынешнего кризиса – следствие продолжающегося длительного перехода к платному образованию. Последний стал парадоксальным результатом требования российского общества по расширению его доступности; общество поддерживало рыночные реформы. Однако общественное мнение в России, как обычно, амбивалентно: сталкиваясь с постоянным дефицитом учителей и/или врачей в государственных школах и клиниках, оно теперь требует введения системы государственного распределения выпускников и обязательного закрепления их на рабочих местах как минимум на несколько лет. Но это требование – для Другого («чужого», «государства»), и оно не распространяется на *своих* детей.

Что же до российского государства, то, как ни странно, оно достаточно успешно реализует свои приоритеты, в том числе и в науке и образовании. Примерами последнего являются как появление новых видов вооружений, включающих использование иных, нетрадиционных для прежнего оружия физических принципов, так и сохранение отечественных технических школ. В этом отношении очевидна параллель между реформированием российских Вооруженных Сил и системой образования: в войсках идет постепенное увеличение удельного веса контрактников и сокращение служащих по призыву. В высшем образовании, очевидно, будут сохраняться привилегированные сегменты, связанные с ядерной энергетикой, космосом, системами связи и/или дипломатической службой, как и финансирование «базовых потребностей» в будущих учителях и врачах. В остальном университеты будут предоставлены сами себе. Карнавал будет продолжаться, а вместе с тем и переживание экзистенциального кризиса учеными и преподавателями.

Дополнительное веселье и остроту этому празднику придает вмешательство искусственного интеллекта. Во времена Модерна для признания того или иного человека интеллектуалом было достаточно демонстрации эрудиции. Но во время постмодерна рождается новый тип взаимодействия человека с техникой. «Революция интерфейсов» привела к нарушению правила, складывавшегося веками: чем совершеннее техника, тем большая квалификация и научная эрудиция требуется для управления ею. В XXI в. за счет усовершенствования интерфейсов работает иное правило: чем совершеннее техника, тем проще ею управлять. Фактически большинство пользователей эксплуатируют разнообразную технику как черные ящики кибернетики. Ребенку для пользования различными гаджетами и девайсами не требуется даже основ грамотности. Преподаватель и обучающиеся имеют равный доступ к источникам информации, что снимает вопрос о том, кто из них является более эрудированным. А это ставит простой вопрос: кого теперь считать умным человеком? Современное российское *гражданское общество* отвечает на этот вопрос так же просто: критериями ума являются количество денег и/или высота властного статуса. То обстоятельство, что в популярной сказке ехидный вопрос: «Если вы такие умные, где же ваши денежки?» произносит мыслящее полено, только усиливает карнавальную аргументацию.

Наконец, следует отметить еще одну важную черту национальных структур когнитивности. Наука, как и университеты, – это западный институт, который в свое время импортировался в Россию. Но начиная с Петра I отечественные интеллектуалы не понимали – да и не хотели понимать – специфику гуманитарного знания. Именно отсюда известно фамусовское «собрать бы книги все да сжечь»; надо полагать, к учебникам по механике его реплика не относилась. Это преломляется в отечественной практике реформ в сокращении соответствующих бюджетных мест в вузах (в ОмГУ, например, в последние несколько лет не выделялись бюджетные места даже пресловутым юристам и экономистам, что уж говорить о такой экзотике, как теология, философия и/или культурология). Естественно, что нигилистическое отношение к общественным наукам⁴ будет облегчать дальнейший переход к образованию из трех ступеней (2 + 2 + 2), превращая часть провинциальных университетов, по сути, в колледжи (техникумы). Это окончательно легитимирует уже сформировавшиеся внутри федеративного государства отношения центр – периферия между различными

⁴ Нельзя не заметить, что отсутствие гуманитарной культуры лежало, среди прочего, в основе революций как 1917, так и 1991 г. Еще недавно российские интеллектуалы, в массе не знавшие ничего, кроме марксизма-ленинизма, представляли себе дело так, что только стоит отказаться от социализма и признать частную собственность, и они сразу попадут в постиндустриальное общество.

ми регионами. Впрочем, большинство российских региональных элит такое положение вполне устраивает.

По мере дальнейшего развития и разрешения экзистенциального кризиса можно предсказать почти неизбежный подъем «кружковщины». Часть профессоров постепенно отойдет от активной деятельности в силу возраста. При этом, учитывая проводимую политику сокращения количества диссертационных советов и повышения барьера для соискателей кандидатских и докторских степеней, уже в ближайшее десятилетие средний возраст ППС и ученых существенно вырастет. Но вряд ли это уменьшит количество индивидов, полагающих, что именно они являются обладателями научного знания: так, ликвидация Союза писателей СССР, резкое снижение тиражей «толстых» журналов и переход большинства печатных изданий в «безгонорарный» статус отнюдь не уменьшили количество искателей литературной славы. Наоборот, количество пишущих тексты увеличилось в разы, если не на порядки.

По-видимому, нечто подобное уже происходит и в отношении российских «искателей истины». Интернет помогает им участвовать в различного рода дискуссиях и в занятиях, которые сродни изобретательству велосипеда. В плане распределения символической власти такие кружки будут выполнять по отношению к официальной науке роль андеграунда. Также очевидно, что часть из них станут НКО и многие из научных блогеров впоследствии будут выступать экспертами на общественных слушаниях и в масс-медиа. Карнавал примет другие формы, сменятся маски, но конца научно-образовательному празднику в России не предвидится.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. *Дусь Ю.П., Пузина Н.В., Разумов В.П.* Федеральный и региональный контексты высшего образования в России // Федерализм. – 2019. – № 3. – С. 72–87.
3. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1284 с.
4. *Кошовец О.Б.* Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / отв. ред. О.И. Ананьин. – М.: Наука, 2008. – С. 210–249.
5. *Кравцова И.* Студенты ВШЭ выступили против ограничений на общественную и политическую деятельность. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/18/studenty-vshe-vystupili-protiv-ogranicheniy-na-obschestvennuyu-i-politicheskuyu-deyatelnost-im-predlozhili-pokinut-universitet> (дата обращения: 24.08.2020).

6. *Мокир Дж.* Рычаг богатства: технологическая креативность и экономический прогресс. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – 504 с.
7. *Ореховский П.А.* Концепты «университета» в различных дискурсах и российская реформа образования // Вопросы теоретической экономики. – 2017. – № 1. – С. 74–87.
8. *Павловский Г.* Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа, 2012. – 120 с.
9. *Разумов В.И.* Кризис в науке и профессионализация интеллектуальной деятельности // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 15–21.
10. *Разумов В.И.* Инновационное развитие: вызов науке и образованию // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2015. – № 9. – С. 39–43.
11. *Ридинс Б.* Университет в руинах. – Минск: Изд-во БГУ, 2009. – 248 с.
12. *Розов Н.С.* «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 12, № 2. – С. 91–106.
13. *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
14. *Талей Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2011. – 680 с.
15. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

Статья прошла рецензирование 29.04.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94

CARNIVAL TIME: RUSSIAN HIGHER EDUCATION AND SCIENCE IN THE POSTMODERN ERA

Orekhovsky Petr,

*Dr. of Sc.(Economics), Professor,
Chief Research Fellow of the Institute of Economics of the RAS,
32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru*

Razumov Vladimir,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Head of the Department of Philosophy,
Dostoevsky Omsk State University,
55a, Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6904-9764
SPIN-code (RSCI): 6418-9748
AuthorID (RSCI): 8985
RazumovVI@omsu.ru*

Abstract

Since the end of the twentieth Century to the present, society has been undergoing deep systemic changes, which are accompanied by crisis phenomena. But the crisis affects society as a whole and science and education, as its components, in different ways. What hopes of the society should be associated with science and education? Communities of intellectuals (universities) go through the following stages in their formation: classical, modern, postmodern. Postmodernism brings polycentrism, fragmentation, deconstruction, stylization, collage, modeling and simulacra, and serialization to universities and research organizations. If classical and modernist views on intellectuals and Universities assumed that their activities were aimed at producing new knowledge and a new person, the postmodern transformation significantly changed academic communities and their environment. In order to better understand the essence of what happened, the authors refer to the phenomenon of carnival in the interpretation of M. M. Bakhtin. The most important sign of carnival is that everything is not what it seems. According to the sophists of antiquity, intellectual activity becomes a paid service. Is it appropriate to say that in a modern University teaching becomes a form of spiritual prostitution? Yes, it is appropriate, provided that the carnival of what is happening in the Russian University of the XXI century is determined by the change of roles and priorities of teachers, students, and support staff. The intensity and specificity of the carnival in a particular University depends on the specifics of the decision about the purpose of the University: issuance (sale) of a state-issued diploma, production of knowledge and/or training of qualified specialists. A serious external factor that reduces the authority of teachers and scientists is strengthening of trends towards relatively autonomous

development of technologies and technics, which is clearly expressed in the phenomenon of the “revolution of interfaces”. Society is also changing, becoming the “society of the spectacle”, where the development of science, theater and professional sports has more and more similar characteristics. The crisis in science and education has always been a feature of postmodernism, an existential problem of intellectuals, which leads many of them to leave the walls of universities and scientific institutions.

Keywords: postmodern, carnival, M.M. Bakhtin, science, education, intellectual activity, existential crisis.

Bibliographic description for citation:

Orekhovskiy P., Razumov V. Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.

References

1. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1990. 543 p.
2. Dus' Yu.P., Puzina N.V., Razumov V.I. Federal'nyi i regional'nyi konteksty vyshnego obrazovaniya v Rossii [Federal and regional contexts of higher education in Russia]. *Federalizm*, 2019, no. 3, pp. 72–87. (In Russian).
3. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, MA, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1998 (Russ. ed.: Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1284 p.).
4. Koshovets O.B. Ekspert i vosproizvodstvo nauchnogo znaniya [Expert and reproduction of scientific knowledge]. *Ekonomika kak iskusstvo: metodologicheskie voprosy primeneniya ekonomicheskoi teorii v prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Economics as an art: methodological issues of applying economic theory in applied socio-economic research]. Ed. by O.I. Anan'in. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 210–249.
5. Kravtsova I. *Studenty VShE vystupili protiv ogranichenii na obschestvennyuyu i politicheskuyu deyatelnost'* [HSE students opposed restrictions on social and political activities]. Available at: <https://meduza.io/feature/2020/01/18/studenty-vshe-vystupili-protiv-ogranicheniy-na-obschestvennyuyu-i-politicheskuyu-deyatelnost-im-predlozhili-pokinut-universitet> (accessed 24.08.2020).
6. Mokyr J. *The lever of riches: technological creativity and economic progress*. New York, Oxford University Press, 1990 (Russ. ed.: Mokir Dzh. *Rychag bogatstva: tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskii progress*. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2014. 504 p.).
7. Orekhovskii P.A. Kontsepty «universiteta» v razlichnykh diskursakh i rossiiskaya reforma obrazovaniya [The concepts of “university” in the various discourses and the Russian reform of education]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2017, no. 1, pp. 74–87.

8. Pavlovskii G. *Genial'naya vlast'! Slovar' abstraktsii Kremlya* [Brilliant power! Dictionary of Kremlin abstractions]. Moscow, Evropa Publ., 2012. 120 p.
9. Razumov V.I. Krizis v nauke i professionalizatsiya intellektual'noi deyatel'nosti [The crisis in science and the professionalization of intellectual activity]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2011, no. 1, pp. 15–21.
10. Razumov V.I. Innovatsionnoe razvitiye: vyzov nauke i obrazovaniyu [Innovative development: as challenge for science and education]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma mater (Higher School Herald)*, 2015, no. 9, pp. 39–43.
11. Readings B. *The university in ruins*. Cambridge, London, Harvard University Press, 1996 (Russ. Ed.: Ridings B. *Universitet v ruinakh*. Minsk, BGU Publ., 2009. 248 p.).
12. Rozov N.S. “Osen” i budushchaya “vesna” epistemologii: perspektivy nomologicheskogo sinteza v sotsial'nykh naukakh [“Autumn” and the future “spring” of epistemology: prospects for nomological synthesis in the social sciences]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2007, vol. 12, no. 2, pp. 91–106.
13. Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI v.* [Gauge and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 735 p.
14. Taleb N. *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable]. Moscow, KoLibri Publ., 2011. 680 p. (In Russian).
15. Foucault M. *Surveiller et punir: naissance de la prison* [Oversee and punish. The birth of a prison]. Paris, Gallimard, 1975 (Russ. ed: Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 416 p.).

The article was received on 14.04.2020.

The article was reviewed on 29.04.2020.